

Муз. обозрение. — 2005 — № 2 (февр.) — 95

Александр ДМИТРИЕВ: Доверяю себе

19 января отметил свое 70-летие художественный руководитель и главный дирижер Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии, народный артист СССР, лауреат Государственной премии РФ Александр Дмитриев. Юбилейный концерт состоялся в филармонии 18 января. Прозвучали Четвертая симфония Брамса, Концерт для фортепиано с оркестром Скрябина (солист Владимир Крайнев) и «Вальс» Равеля.

— Вы, видимо, совершенно несусеверный человек — отметили свой юбилей «заранее». Кто Вас поздравил?

— Президент прислал телеграмму. Были поздравления и от полпреда Президента, и от городского Управления культуры, и от коллег. Перед концертом в филармонию заехала наш губернатор В. Матвиенко. После концерта был организован прием в филармонии.

На второе отделение вечера пришел министр культуры А. Соколов. Обращаясь и к оркестру, и к залу, он сказал, что приложит все усилия, чтобы оркестр получил пусть не грант, но какую-то дополнительную поддержку.

— Кстати о грантах. В один прекрасный день два коллектива Петербургской филармонии пришли на работу, и оказалось, что у одного оркестранта в кармане полторы тысячи долларов, а у другого — 150. Как это отразилось на творческом процессе? На взаимоотношениях, в конце концов?

— Конечно, отразилось. Наверное, хуже всего мне как главному дирижеру. Я встаю за пульт, вижу глаза музыкантов, обращенные ко мне, и читаю в них вопрос — а когда же, когда что-то изменится?

— Из чего сегодня складывается финансирование оркестра?

— Главная сложность в том, что мы находимся на федеральном бюджете. И местная власть не имеет права оказывать нам значительную финансовую поддержку. Поэтому мы получали приблизительно 50% от тех денег, которые направлялись другим петербургским оркестрам. Мы оказались самым малооплачиваемым коллективом в городе. Хорошо еще, есть спонсор, который раньше помогал Заслуженному коллективу, а теперь, когда ЗКР получил грант, эти деньги перешли к нам. Но это немного.

И что же получается? От нас будут уходить, а придти не будет никто. Сегодня в ЗКР музыкант получает 40.000 рублей, а у нас — 4.000. Знаете, у меня был такой расчет. Когда я работал в Петрозаводской консерватории, мой оклад — очень маленький! — составлял 110 руб. А пресловутая «Докторская» колбаса стоила 2,2 руб. Значит, я мог купить 50 кг колбасы. Сейчас 50 кг «Докторской» стоят 11.000 руб. А мои оркестранты получают 4.000...

— А есть ли семейные пары из двух оркестров? Тогда хоть как-то можно бюджет наладить.

— Есть, есть. Два таких случая — в одном муж здесь, жена там, в другом наоборот.

— Вы ощущаете отток кадров в оркестр ЗКР? Два оркестра исторически являются общающимися сосудами?

— На сегодняшний день в оркестре Темирканова работают 20 человек из нашего оркестра. Кстати, тут дело не в грантах. Они играли у нас, а потом по конкурсу перешли туда. Если посчитать в целом, то где-то 30% состава ЗКР — это бывшие наши.

— А наоборот случается?

— Был единственный случай: один концертмейстер группы контрабасов перешел к нам. Я иногда сравниваю эту ситуацию с футболом. Но когда футболист переходит из одного клуба в другой, «потерявшему» за это платят много долларов. А здесь переходят совершенно бесплатно.

— Каков средний возраст Ваших оркестрантов, наверное, более молодой, чем в ЗКР?

— Средний возраст все-таки достаточно солидный. У нас есть скрипач, который работает в оркестре 50 лет — со дня его перехода в филармонию. В среднем, я думаю, порядка 40 лет.

— Какие ощущения вызывает у Вас общее положение дел в стране в связи с культурой?

— Ощущения очень печальные. Гранты, с одной стороны, это замечательно. С другой стороны, нам дали понять, что мы — оркестр второго сорта. И даже не второго, а десятого. Что говорить, сегодня главный «поставщик» культуры в дом — это телевизор. А там либо последние известия, в основном, не радостные, либо пошлость.

Когда придумывали пресловутую монетизацию льгот, никто ни с кем не советовался! Решили и сделали. И в культуре то же самое. Когда только слух пошел про грядущие гранты, я написал письмо Швыдкому. Пусть хоть кто-то придет в Питер и послушает оркестр. И скажут — нет, оркестру еще рано.

Какое-то неустойчивое ощущение все время. И в ЗКР никто не знает, что будет дальше, после 31 декабря 2005, когда закончится срок гранта.

— Как Вы думаете, если платить оркестранту 30.000 рублей в месяц, он будет играть лучше?

— Наверное, будет лучше. Потому что вместо того, чтобы бегать куда-нибудь на халтуру, он посидит дома, поучит свою партию. Конечно, скачка ожидать не нужно.

— От чего зависит качество оркестра? От того, кто за пультом стоит?

— Существует выражение, которое сейчас только ленивый не повторяет: нет плохих оркестров, есть плохие дирижеры. И все-

таки это правильно. Я не хочу в свой адрес что-то говорить, но мне приходилось слышать и видеть свой оркестр с другими дирижерами. И иногда я его просто не узнавал.

— Значит, из любого, самого ужасного коллектива можно создать нечто потрясающее?

— Нет, я бы так не сказал. Можно сделать, чтобы оркестр играл лучше. Но «нечто» — это требует времени, прежде всего, и совсем других усилий.

— Кем Вы являетесь для своих музыкантов — диктатором, «родным отцом»? На чем держится Ваш «союз»?

— С одной стороны — «отец родной». С другой — если ничего не сдвигается с мертвой точки, то оркестранты наверняка думают: «Почему ты, братец, ничего не делаешь?». Хотя в ближайшее время я встречаюсь с нашим губернатором, посмотрим...

Знаете, может, это и наивно, но... у нас все держится на взаимном уважении, с одной стороны, а с другой — на понимании того, что главное — это музыка. Это ответственность перед композитором и перед тем, что мы делаем.

— 27 лет — это очень большой срок. Вы можете отметить какой-то период работы с оркестром, который был оптимальным — и по составу, и по творческим результатам?

— Сегодня это ощущение возможности производить тот продукт, который и мне, и оркестру дает удовлетворение. Нам и сегодня удается держать оркестр на том уровне, на котором он должен быть. И ноябрьские гастроли в Англии это подтвердили.

— Кстати, о гастролях. Многие малооплачиваемые оркестры сегодня соглашаются на любые условия, лишь бы поехать за границу. Получают точные по 15–20 долларов и довольны.

— Мы пытаемся держать планку. Как-то так сложилось, что мы имеем дело с солидными импресарио. В декабре этого года планируем поехать в Японию.

— За рубежом вас не путают с оркестром Темирканова? Как звучат названия оркестров Петербургской филармонии по-английски?

— Оркестр ЗКР называют St. Petersburg Philharmonic, а наш — St. Petersburg Symphony и в программе добавляют «of St. Petersburg Philharmony». Во многих странах нас действительно знают и не путают. Хотя критики иногда стараются «лягнуть» — подчеркивают: «не Philharmonic, а Symphony».

— Два симфонических коллектива в одной филармонии — это всегда непросто. Как Вам удается не «пересекаться» по репертуару, как организованы репетиции?

— С программами мы «расходимся» довольно спокойно. Репертуар настолько необъятен, что «столкнуться» практически невозможно. С репетициями, конечно, хуже. Дело в том, что в свое время концерты в филармонии начинались в 20.45, а заканчивались около 23.00. Пока музыканты добирались домой, была уже полночь, и прийти в филармонию на следующее утро в 10.00 трудно. Поэтому при Мравинском утренние репетиции начинались в 11.00. И сегодня Темирканов начинает также, в 11.00, несмотря на то, что концерты начинаются в 19.00. Оркестр ЗКР репетирует с 11.00 до 14.00 или до 14.15, а мы — с 15.00 до 18.00. И получается, что у нас вместо четырехчасовых репетиций — трехчасовые.

В среднем каждому концерту предшествуют четыре репетиции, вместе с генеральной. Но так как репетиции у ЗКР всегда с утра, то в день концерта мы вынуждены делать только маленькую полуторачасовую репетицию, больше не положено по закону. В сумме получается три трехчасовые и полуторачасовая генеральная репетиция на программу. Это очень мало.

— Вы выступаете с другими оркестрами — в России, за рубежом?

— По России я в последнее время практически не езжу. Выступаю за рубежом, но не очень много — несколько концертов в год. Чтобы, так сказать, немножко проветриться...

— Вы несколько лет руководили оркестром в Норвегии, смогли познакомиться с зарубежным опытом «устройства» оркестрового хозяйства. Вы перенесли какие-то принципы на свой петербургский оркестр?

— За 8 лет руководства оркестром в Ставангере я действительно познакомился с их жизнью. И мне кажется, что нам совершенно нечего оттуда заимствовать. Демократия доведена там до абсурда. Проходит конкурс в оркестр, а главный дирижер в этом совершенно не участвует. Музыканты выбирают по своему вкусу: не по тому, как он играет, а по тому, что о нем говорят, исходя из личных взаимоотношений и т.д. Репертуар выбирает программный комитет, в который входят далеко не ведущие музыканты. Комитетов там у них!..

А потом, они приходят, отыграют, идут домой — и все, музыка для них закончилась. Конечно, они готовятся, учат партии, приходят подготовленные, но... Мне кажется, что русский музыкант живет музыкой, а все остальное просто помогает ему оказаться в этом состоянии. А у них музыка — это хороший способ заработать хорошие деньги на жизнь.

— Ваши собственные новые интерпретации рождаются в процессе работы?

— Максимум на 10–15%. В основном, все «рождается» дома, когда я открываю партитуру.

— Чье мнение для Вас как для музыканта важно? Мнение коллег, оркестра, критиков, друзей?

— Честно говоря, я больше всего доверяю себе. Хотя иногда

бывают интересные мнения, замечания, я всегда прислушиваюсь. Но мне кажется, что, прежде всего, должно быть собственное ощущение того произведения, которым ты дирижируешь.

— Кого из дирижеров прошлого Вы особенно цените? Чьи записи являются для Вас эталонными?

— Знаете, со временем предпочтения сильно меняются. Я помню, когда только-только появились виниловые пластинки, я стал их собирать. Купил Третью симфонию Брамса с Кнаппертсбушем, мог слушать эту запись бесконечно. Прошли годы, и я стал кое-что понимать, многое в этой записи перестало меня устраивать... Потом я убедился в том, что «всеядных» дирижеров и музыкантов — то есть тех, которым все удается — наверное, нет.

Мне очень нравится, как играет немецкую классику Караян, но он совершенно ужасно исполняет Чайковского, французскую музыку. В свое время я восхищался тем, как играл французскую музыку Мюнш с Бостонским оркестром. А вот с Национальным Французским оркестром, с которым он работал на склоне лет, звучало хуже — все очень быстро, «крупным помолом».

— А в чем Ваша сильная сторона?

— Говорят, мне удается русская музыка. Французская музыка, которую я очень люблю. Я ведь сыграл почти всего Равеля и Дебюсси, Берлиоза, Онегера. Очень люблю Шостаковича.

— Как Вы отдыхаете? Что восстанавливает Ваши силы?

— Стараюсь больше быть на природе, гулять. В последнее время увлекся цифровой фотографией. Люблю читать, хотя в последнее время читаю очень мало. Сейчас наслаждаюсь книгой «Тысячелетняя история живописи».

— Ваша супруга музыкант?

— Она пианистка, но сейчас не работает. Сын учился музыке, но потом бросил. Думаю, что к счастью. Конкуренция ведь сейчас жуткая...

— Вы долгое время (до 1992) преподавали симфоническое дирижирование. Есть ли среди Ваших учеников те, кому повезло, кто востребован? И вообще, можно ли научить дирижированию?

— Что касается учеников, то это второй дирижер нашего оркестра Владимир Альтшулер, главный дирижер Малого оперного театра Андрей Аниханов. Андрей Борейко, который возглавляет оркестр в Гамбурге.

Конечно, в нашей профессии есть вещи менее объяснимые, чем у инструменталистов. Дирижерская одаренность — не только музыкальная, интеллектуальная, а более широкая. Ведь репетиция — это не только работа над совместной игрой, над строем, ансамблем, это и человеческие взаимоотношения. Этому научить нельзя. Начало дирижерской работы — это тогда, когда человека бросают в воду, и смотрят — поплывет или нет. Если поплывет, тогда и начинаются первые профессиональные шаги. Получается взаимная оценка дирижера и оркестра. Есть задатки, которые видны. Но в процессе жизни может все и перевернуться.

— У Вас есть друзья-дирижеры? Или «человек человеку — дирижер»?

— Есть выражение — «ни один дирижер не согласится с трактовкой другого» (Мюнш). Это может быть, так как у каждого собственное восприятие конкретного сочинения. Но это не значит, что все дирижеры — враги. Дружеские отношения у меня и с Темиркановым, и с Алексеевым. Я не говорю уже о своих учениках. Не могу сказать, что со своими коллегами мы часто общаемся... Но в последнее время мы с родственниками встречаемся редко, в основном, по телефону говорим. Время такое...

Беседовала
Марина Броканова

Дмитрий Дмитриевич Дмитриев (оркестр)

19.01.2005